

— Здесь сложно найти свежие продукты, но через некоторое время я приглашу нескольких поваров, — сказал Фэн Минсюй.

Шэнь Мянью опустил ресницы, слегка кивнул и спросил:

— Ты всё ещё не нашёл его?

Взгляд Фэн Минсюя потемнел:

— Я уже говорил тебе, что корабль потерпел крушение в Запределье, и шансы найти его ничтожно малы.

Шэнь Мянью сжал губы, не отвечая.

В последнее время он говорил всё меньше, а сам становился всё более измождённым. Фэн Минсюй слегка нахмурился, взял его за подбородок и насильно влил ещё одну порцию питательного раствора.

Но едва Шэнь Мянью проглотил его, как тут же вырвал.

Он закашлялся, слёзы выступили на глазах, и, прижав руку к груди, тяжело дышал:

— У меня действительно нет аппетита.

Фэн Минсюй долго молчал, затем обратился к слуге:

— Отведи врача в спальню наверху.

Шэнь Мянью сделал испуганный вид, схватил Фэн Минсюя за рукав и покачал головой:

— Я в порядке, просто временно нет аппетита, не нужно специально вызывать врача.

С этими словами он сам взял ещё одну порцию питательного раствора и поднёс ко рту, но Фэн Минсюй схватил его за запястье.

— Послушаем, что скажет врач.

— Это действительно не нужно, — поспешно ответил Шэнь Мянью.

— Чего ты боишься?

Шэнь Мянью сжал губы:

— Мне нечего бояться, ты слишком много думаешь.

Чем больше он так себя вёл, тем сильнее Фэн Минсюй подозревал его. Не говоря ни слова, он подхватил Шэнь Мянью на руки, отнёс наверх и бросил на кровать.

Он стоял у кровати, вспоминая, как Шэнь Мянью только что вырвал, и его лицо постепенно омрачилось. Холодный взгляд скользнул по изысканному лицу омеги, медленно опустился на плоский живот, и в его глазах мелькнула жестокость.

Шэнь Мянью почувствовал его взгляд и вдруг поднял руку, чтобы прикрыть живот, словно это был инстинктивный защитный жест.

Вскоре прибыл врач, за ним следовали две медсестры с диагностическим оборудованием. Они провозились с Шэнь Мянem полчаса, и, получив результаты анализов, все радостно заулыбались.

Врач доложил Фэн Минсюю:

— Поздравляю, молодой господин, господин Шэнь беременен уже два месяца, отсюда и отсутствие аппетита.

Все слуги в комнате обрадовались, но только не двое главных героев.

Шэнь Мянem в панике прикрыл живот и свернулся калачиком, а Фэн Минсюй, с холодным лицом, шаг за шагом подошёл к нему, поднял его и прижал к себе, прошептав на ухо:

— Этот ребёнок не останется.

Шэнь Мянem резко поднял глаза:

— Если ты тронешь его, сначала убей меня.

Шутки ради, он потратил на это 100 000 V-монет.

100 000 V-монет — что это за сумма? Это 10 миллионов юаней, которые он мог бы использовать, чтобы вернуться в свой мир, но, чтобы выжить, эти деньги пришлось потратить.

Так что, пока он не выполнит свою задачу, никто не тронет его золотой животик.

Едва он закончил говорить, как почувствовал, как вокруг него сгустилась атмосфера подавленности.

Фэн Минсюй был явно в ярости, но на его лице не было и намёка на эмоции:

— Все, выходите.

Врачи, медсёстры и слуги, словно получив помилование, поспешно вышли.

Спустившись вниз, одна из медсестёр прошептала:

— Что с молодым господином? Разве беременность господина Шэня — это не радость? Почему он выглядит так, словно хочет убить?

Другая медсестра покачала головой:

— Ты, видимо, не знаешь, что этот господин Шэнь раньше был женой старшего брата молодого господина. Недавно они развелись, и молодой господин спрятал его здесь, как любовника, которого нельзя показывать на свету. Сейчас, когда он беременен, если это станет известно, это навредит репутации семьи, и старшему брату будет трудно объяснить.

— Вот как, — вздохнула первая. — Жаль только его красоты, я никогда не видела омегу прекраснее него.

Вторая медсестра согласилась:

— Конечно, если бы он был обычным, разве молодой господин обратил бы на него внимание и

держал бы его здесь в заточении? Видно, что красота не всегда приносит счастье. Для низшего омеги забеременеть так сложно, может быть, это единственный шанс в жизни. Если этот ребёнок будет удалён, вряд ли у него будет ещё одна возможность.

— Это его судьба...

Они обменялись печальными взглядами и пошли в медицинский кабинет.

В спальне наверху Фэн Минсюй с холодным выражением лица смотрел на омегу перед собой. Он вдруг протянул руку и сжал изысканный подбородок Шэнь Мяня, прошептав:

— Они все думают, что этот ребёнок мой. Он мой, Шэнь Ши?

Шэнь Мянью опустил голову и не ответил.

Оба они прекрасно знали, что Фэн Цзюэ поставил на него метку, и, кроме Фэн Цзюэ, никто не мог естественным образом открыть его репродуктивную полость и оплодотворить его. Этот «ребёнок» мог принадлежать только Фэн Цзюэ.

Все эти дни Фэн Минсюй упрямо брал его каждый день, просто из упрямства.

Он злился, что не может стереть метку предшественника, ненавидел себя за то, что недостаточно силён, и потому использовал этот метод, чтобы мучить их обоих.

— Если бы этот ребёнок был моим, ты бы тоже так его защищал?

Шэнь Мянью почувствовал, как рука, обхватившая его талию, сжалась сильнее, и, с трудом отстраняясь, он нахмурился:

— Я не отвечаю на гипотетические вопросы.

Фэн Минсюй почувствовал, что, вероятно, сошёл с ума, потому что он не был зол, а, наоборот, испытывал удовольствие.

Омега в его объятиях, беспомощно сопротивляющийся, всё ещё был невероятно прекрасен: изысканное бледное лицо, дрожащее хрупкое тело, словно его можно было легко сломать малейшим усилием.

Изящный, прекрасный и хрупкий, как хрусталь.

Но его взгляд был таким же, как и раньше — упрямым, стойким, сдержанным и немного детским, как яркая звезда, которая постоянно притягивала его.

В этом мире больше не будет омеги, который бы так сильно его привлекал.

Фэн Минсюй усадил его на диван, провёл рукой по линии талии, проник под одежду и ладонью коснулся гладкой кожи живота, нежно и медленно поглаживая.

На его ладони были тонкие мозоли, которые не причиняли боли, но вызывали странное ощущение. Шэнь Мянью почувствовал, как его тело дрожит от смеси приятного и тревожного, и слегка зашевелился.

Фэн Минсюй наклонился к его уху и с насмешкой спросил:

— Низший омега, да ещё и принимавший ингибиторы феромонов семь лет, и при этом смог забеременеть. Мне сказать, что ты уникален, или что твой отец был мастером в постели? Хотя, судя по твоему аппетиту, тебя и правда не каждый сможет насытить.

Он намеренно использовал грубые слова, чтобы смутить Шэнь Мяня, и добился своего.

Шэнь Мянй крепко сжал розовые губы, его щёки слегка порозовели. Он закрыл глаза, но дрожащие ресницы выдавали его смущение.

Но нынешний Фэн Минсюй уже не поддавался таким уловкам. Он продолжал играть с мягким телом в своих руках, низкие стоны раздавались у него в ушах, но в его глазах была лишь холодность.

Он взял руку Шэнь Мяня и поцеловал кончики его пальцев, загадочно спросив:

— Ты хочешь оставить этого ребёнка?

Шэнь Мянй резко открыл глаза:

— Я не позволю тебе тронуть его.

Его явная настороженность и защита довели Фэн Минсюя до безумия.

Фэн Минсюй с трудом сдержал бушующую в груди ярость, усмехнулся и сказал:

— Оставив его, ты думаешь, как он будет жить? Как доказательство измены маршала Империи с женой собственного сына, его грязная кровь будет преследовать его всю жизнь, это грех, который нельзя смыть. Для него смерть, возможно, не самое плохое.

Шэнь Мянй замолчал, его губы побелели от того, как сильно он их сжимал. Наконец, он хрипло произнёс:

— Возможно, ты прав, но у меня нет права решать за него. Пока он не увидел этот мир, я не могу лишить его всех возможностей.

— Кроме того, Фэн Цзюэ всегда ждал появления этого ребёнка, он защитит меня и нашего ребёнка, он обещал...

Не успел он закончить, как Фэн Минсюй грубо перекрыл его губы своими. Его терпение и рассудок окончательно рухнули, когда Шэнь Мянй произнёс эти слова.

Он бросил Шэнь Мяня на кровать, вошёл в него с яростью, а стоны боли омеги и сладкую слюну проглотил вместе с собственным гневом.

Когда омега в его объятиях наконец успокоился, Фэн Минсюй отпустил его, провёл пальцем по покрасневшим губам и тихо сказал:

— Не зли меня, я не хочу слышать это имя из твоих уст. Он мёртв, смотри только на меня, разве это так сложно?